

ЯСНАЯ ПОЛНОЧЬ

Вот он, твой час, о Душа, твой полет за пределы слова,
Прочь от книг, от ремесла, день стерт, и выучен урок,
Полным ходом вперед, молча, зорко, любимые темы лелея.
Ночь, сон, смерть и звезды.

Уолт Уитмен
(Перевод Владимира Бойко)

Оглавление

Пролог. <i>18 октября 2010</i>	11
I. БДЕНИЕ. <i>Октябрь 2010</i>	
Музыка ветра	19
Ударен молнией	20
Жестокая сестра	22
Еще живой	45
Рукопожатие	50
Бдение	61
«Наследник»	75
Семя	80
«Свидетельство»	99
Пловец	101
Вечеринка	103
Мутант	110
Возвращение Уайти	119
Благословение уже не действует	120
Твердая рука	124
Возвращение домой	142
II. ОСАДА. <i>Октябрь 2010 – апрель 2011</i>	
«Что ты сделала с папой?»	147
Сильная	149
Последняя воля и завещание Джона Эрла Маккларена	175
Электрошокер	183
Выгодприобретатель	192

Вдовый разгул	199	
Дрожащая рука	200	
Лунатик	207	
III. БЕЗ ИМЕНИ: ВДОВА. <i>Апрель — июнь 2011</i>		
Мэки-Нож	283	
Дразнилка	285	
Ярость	286	
Волна	298	
Демон Ракшаса	307	
Навязчивые сны Маккларенов	315	
Майская жара	317	
На голландском рынке	343	
Кезиахайя	368	
Без имени: Вдова	380	
Дорогой Хьюго	394	
IV. ЗВЕЗДЫ. <i>Июнь — декабрь 2011</i>		
Враги	397	
Игральные кости	412	
Дорогой Хьюго	413	
Осы	446	
Черная лихорадка	470	
Рукопожатие	508	
Коса	515	
Последняя воля и завещание Вирджила Маккларена	538	
Предупреждение	545	
Кровожадное сердце	554	
Справедливость	572	
Поцелуй	592	
Был и нету	595	
День благодарения 2011	596	
Музыка ветра	629	
V. ГАЛАПАГОСЫ. <i>Январь 2012</i>		631

*Посвящается Чарли Гроссу,
моему первому читателю и любимому супругу*

Пролог

18 октября 2010

Почему? Потому что он увидел нечто, показавшееся ему неправильным, и в его власти — как минимум его долгом — было исправить ситуацию или хотя бы попытаться.

Где? По пути домой, на автостраде Хенникотт, в 3:15 пополудни. Сразу за грязной, разрисованной граффити эстакадой, ведущей к бульвару Питкерн, где в начале семидесятых воздвигли трехметровый сетчатый забор, дабы оградить автомобилистов, направлявшихся в северные пригороды, от школьников-хулиганов, скатывавших по склону большие камни. Один водитель тогда погиб и многие получили ранения, не говоря уже о серьезных повреждениях транспорта.

Откуда? Из публичной библиотеки (там состоялся ланч с попечительским советом), которую Джон Эрл Маккларен (тогда мэр Хэммонда, штат Нью-Йорк) помог перестроить в середине девяностых, собрав в результате благотворительной кампании несколько миллионов долларов. С тех пор Джон Эрл, он же Уайти, за пятнадцать лет не пропустил ни одной ежегодной встречи с попечителями.

Он ехал на «тойоте-хайлендер» новой модели, по правой полосе трехполосного хайвея, на дозволенной скорости пятьдесят пять миль в час. Лучше не рисковать, если ты выпил за ланчем бокал белого вина (хотя Джон Эрл не считал, что такая доза алкоголя влияет на его вождение или что сторонний наблюдатель сможет нечто подобное заподозрить).

И тут, перед съездом на Меридиан-парквей (по которой через двадцать минут он благополучно добрался бы до своего дома на Олд-Фарм-роуд, где счастливо прожил вместе с дорогой женой большую часть взрослой жизни), он увидел припаркованную на обочине патрульную машину с включенной красной мигалкой,

и еще одну машину рядом. Двое полицейских в форме вытащили (молодого? смуглого?) мужчину из машины и, выкрикивая какие-то угрозы, стали со всего маху тыкать его лицом в капот. Джон Эрл сбавил скорость в шоке от увиденного, потом осмелился затормозить сразу за патрульной машиной, вышел и направился к копам, продолжавшим заниматься рукоприкладством, хотя молодой смуглолицый мужчина очевидно (для Джона Эрла) не оказывал никакого сопротивления, если не считать сопротивлением попытки закрыть лицо и голову от ударов. Подойдя к патрульным, Джон Эрл вскричал: «Хватит! Что вы делаете?», с вызовом, бесстрашно, как это делал бы сам в свою бытность мэром еще в прошлом веке, кричал в этом глухом, поросшем кустарником месте, в бедном районе Хэммонда, где царил полицейский произвол, о чем не догадывались даже такие белые американцы, казалось бы все знающие, как Джон Эрл Маккларен. А дальше произошла горячая перепалка, сохранившаяся в его памяти смутно, как и образ смуглого стройного водителя, сильно запуганного, не афроамериканца, а (скорее) индуса, в костюме, разорванной, заляпанной кровью белой рубашке и очках в тонкой оправе, которые с него сбили ударом.

Полицейские заорали на непрошеного зрителя:

— Полезай в свою машину и дуй нахер отсюда, мистер!

Но Джон Эрл осмелился еще приблизиться.

— Вы избиваете незащитного человека. В чем его вина? — Адреналин зашкаливал. Он сразу дал им понять, что *просто так* не уйдет. — Я хочу знать, в чем его вина. Я сообщу куда следует, что вы применили избыточную силу.

Он как-то забыл, что ему шестьдесят семь и он уже добрых четверть века не мэр Хэммонда. Забыл, что у него двадцать фунтов лишнего веса (как минимум), что он легко заводится и принимает сильнодействующее лекарство от давления. В своем тщеславии он полагал, что, так как «Уйти» Маккларен был популярным мэром, всегда на стороне граждан, умеренным республиканцем, способным к политическим компромиссам, а также преуспевающим бизнесменом, другом и партнером по покеру предыдущего начальника полиции и многолетним донором Ассоциации содействия полиции, верившей (и не раз заявлявшей об этом публично) в то, что эта работа опасна и трудна и потому заслуживает общественной поддержки, а не критики, — в общем, офицеры его узнают, расскаются и извинятся. Как бы не так.

Вместо этого Джон Эрл оказался лежащим навзничь на грязной мостовой. Среди обломков стекла и запахов дизельного топлива. Упал так упал. Самостоятельно встать не получится. Невероятно, но копы обрушили на него всю силу своих кулаков (оба в перчатках), всю свою ярость и ненависть. Эмоциональный шок, физическая беспомощность. *Еще никогда с Уайти Макклареном не обращались с такой жестокостью! Ни малейшего уважения к человеку, которым все восхищались...*

Он попытался встать. Сердце колотилось как бешеное. Нога в ботинке саданула его в живот, в пах. Джон Эрл, истинный стоик, частенько отказывающийся от укола новокаина у зубного, скрючился от боли. Обычно бесстрашный, не думающий о предосторожностях, сейчас он смертельно напуган. Валяется на земле в твидовом костюме «шотландского дозора», который он когда-то купил на свадьбу родственника и из уважения всегда надевает на встречи с попечителями. *Американская публичная библиотека — основа нашей демократии. Мы все гордимся нашей прекрасной библиотекой.* Он поступил необдуманно, сняв подарок жены — голубой шелковый шейный платок от Диора по окончании официального ланча; этот платок мог бы произвести впечатление на офицеров, а так он выглядит растрепанным, дерганым и краснощеким (уж не пьяный ли? хотя какой пьяный с одного бокала вина); еще на офицеров могла бы произвести впечатление «тойота-хайлендер» (недешевый автомобиль), вот только он его вовремя не помыл, за что заслуживает отдельного наказания, и сейчас машина вся покрыта тонким слоем пыли. В общем, ничто не работало в пользу Джона Эрла, беда обрушилась на него как лавина, и вот уже он валяется на каменистой обочине. Может, если бы он представился надлежащим образом как друг начальника полиции, знающий его по имени, это бы остановило бешеных копов, хотя вряд ли, все уже отрететировано: *Вмешался в действия правовых органов, поставил под угрозу безопасность полицейских, сопротивлялся аресту, вел себя агрессивно.*

И что же дальше? Один из орущих офицеров склонился над беспомощным, невооруженным седовласым стариком и в бешенстве ткнул его электрошокером раз пять, отчего у лежащего сердце заработало с перебоями. Неужели такое возможно? Доктор Азим Мурти, молодой врач в детской больнице Сент-Винсент, впоследствии прикрепленной к Колумбийской пресвитерианской боль-

нице, стал свидетелем этой жести, и хотя в обычных обстоятельствах он говорил бегло по-английски, сейчас из-за животного страха забыл все слова. Позже доктор Мурти будет говорить: я был испуган, растерян и не понимал, что полицейские мне кричали, а они это (видимо) интерпретировали так, будто я отказываюсь подчиняться их приказам. Он не понимал, почему они заставили его съехать на обочину, хотя он не превышал скорость на своей «хонде-сивик»; зачем его выволокли из машины с такой силой, что вывихнули левое плечо; почему, когда по их требованию он, преодолевая боль, полез за бумажником в карман пиджака (зря, наверно), один из полицейских покрыл его матом и ткнул лицом в капот так, что рассек ему лоб и сломал нос. Он угрожал его «поджарить», и Мурти даже в голову не пришло, что речь идет об электрошокере, а не об огнестрельном оружии. В тот момент двадцативосьмилетний Мурти, рожденный в индийском Кочине и переехавший в Нью-Йорк в девятилетнем возрасте вместе с родителями, был уверен, что неизвестно по какой причине взбешенные полицейские его убьют без всякого повода. Мурти не хотелось думать, что его остановили на автостраде из-за цвета кожи, которую он не без гордости не считал «черной», хотя и «белой» ее, понятно, не назовешь. Глядя на его костюм, белую рубашку и галстук, нетрудно было предположить, что он (скорее всего) не наркоторик и не бандит, так что вряд ли представляет угрозу для полицейских, если они пожелают увезти его в отделение без применения насилия. Мурти изображал из себя «невиновного», впрочем он и в самом деле не понимал, какие обвинения собираются ему предъявить. Наркотики? Убийство? Терроризм? Он с беспокойством вспоминал о массовых убийствах, беспорядочной снайперской стрельбе и «террористах» в Соединенных Штатах за последнее время, о чем говорили заголовки газет и новостные телевизионные выпуски, из чего можно было сделать вывод, что хэммондская полиция искала людей, имеющих при себе или в машине арсенал оружия, опасных личностей, по которым копы готовы открыть огонь без предупреждения. Бездомные, психически больные, с оружием или (на первый взгляд) без, могут представлять опасность, по мнению полиции, но доктор Мурти явно не выглядит как психически больной или массовый убийца. Даже если смуглый цвет кожи и очень темные глаза могли внушить особо внушаемым, что они имеют дело с «террористом», ламинирован-

ное удостоверение личности подтверждало, что он, Азим Мурти, доктор медицины, работает в детской больнице Сент-Винсент. И при нем, как и в его «хонде», не обнаружили ни наркотиков, ни оружия.

В полицейском отчете офицеры утверждали, что автомобиль доктора Мурти «вилял», а когда патрульная машина приблизилась сзади и включила красную мигалку, он прибавил скорость, словно пытаясь «уйти». Возникли подозрения, что в автомобиле есть наркотики или что водитель пьян, поэтому из соображений общественной безопасности они его остановили. По свидетельству обоих полицейских, водитель «оказывал сопротивление», «выкрикивал оскорбления и проклятия на иностранном языке», «совершал угрожающие телодвижения». Из соображений личной безопасности они вытащили его из автомобиля, но он сопротивлялся, и им пришлось применить силу и даже «надеть наручники». И тут рядом затормозила «подозрительного вида» «тойота-хайлендер». В водителе заподозрили сообщника арестованного, он представлял «явную опасность»: кричал на офицеров, размахивал кулаками, грозил их застрелить и сунул руку под пиджак, как будто за оружием. Опять же из соображений личной безопасности им пришлось бросить его на землю, усмирить с помощью электрошокера (пятьдесят тысяч вольт, двадцать пять ватт) и надеть на него наручники.

Этот «агрессивный, представляющий угрозу» водитель, изначально воспринятый офицерами как сообщник Азима Мурти, позже был идентифицирован как Джон Эрл Маккларен, 67 лет, проживающий на Олд-Фарм-роуд, в Хэммонде, Нью-Йорк.

Как впоследствии выяснится, ни Азим Мурти, ни Джон Эрл Маккларен не состояли на учете в полиции. У доктора Мурти и в его машине не было обнаружено ни наркотиков, ни оружия. Как и в случае с мистером Макклареном. Связи между ними не было установлено. Выяснилось, что электрошокер был применен к обоим мужчинам «из соображений безопасности», вот только доктор Мурти не потерял сознание и не впал в кому, как Джон Эрл Маккларен. Возможно, просто потому, что был на сорок лет моложе.

I
БДЕНИЕ

ОКТАБРЬ 2010

Музыка ветра

Легкий прохладный дождик, но уходить в дом ей пока не хочется.

Порыв ветра, и сразу дзынь-дзынь-дзынь.

Как приятно слушать убывающий перезвон колокольчиков, развешенных на деревьях за домом.

Испытывать такое счастье — можно ли это считать эгоизмом?

Что-то в этом октябрьском ветре, в насыщенном запахе мокрых листьев, в неясном небе, в серебряном звоне колокольчиков пробуждает в ней головокружительное желание, как будто она (снова) юная девочка и у нее вся жизнь впереди.

Все, что у тебя есть, было тебе дано. За какие заслуги?

Она (осторожно) засыпала корм в висящие над террасой кормушки для птиц. Кукурузные зерна, семена подсолнечника. В соседних ветвях уже притаились синицы.

Задача из простых. Но ее еще нужно должным образом отработать.

Не сразу расслышала телефонные звонки в доме.

Ударен молнией

Его посадили на электрический стул? Ударило молнией?

Причем не один раз. Не сосчитать.

Помнит чей-то торс, лицо. И собственные руки, поднятые для защиты.

Электрические разряды. Оглушающие, огненные. Запах поджаренной плоти (точно?).

Ошибка. Он совершил ошибку.

Неправда. У него не было выбора.

Не ошибка. Скорее оплошность.

Но оплошность — это тоже ошибка, пусть и не такая серьезная.

Необдуманные слова. Безрассудные действия, предпринятые без поправки на возраст (а ты уже немолод!). Неосторожные шаги, которые тебя завели в самое неподходящее место — и теперь пути назад нет.

Уайти жаждет оспорить. Доказать свою правоту.

Но он онемел. Язык заполнил весь рот, гортань слиплась. Не может из себя выдать ни слова.

Горло пронзила молния. Сожгла голосовые связки.

И это *он*, Джон Эрл Маккларен, Уайти, который всю жизнь был само красноречие!

Уайти готов протестовать. Он найдет слова, слоги, звуки, они слетят с его (влажного, а не сухого, как сейчас) языка, и свершится чудо речи... *вот только бы вспомнить — как...* он обратится — нет, не к присяжным, а к своему электорату, и выборы все покажут. Уайти Маккларен докажет свою правоту, в этом он не сомневается.

Какая боль! В области сердца.

Может, поставили шунт или клапан, а может, там, где было сердце, теперь стоит насос.

Блестящая серебристая проволока тянется (через артерию?) в мозг, странным образом по форме и текстуре напоминающий грецкий орех.

Запах горелой плоти, жженных волос.

Черепные кости. Кожные лоскуты.

Не спрашивает себя, почему все онемело в этом месте, где он оказался, весь как будто туго перебинтованный, почему здесь так темно и тихо, только громко бьется быстрый пульс или так струится вода... не спрашивает себя, пока.

Не хочет думать о том, что после удара молнии ты конченный человек.

Он должен доказать: оплошность исправима, не фатальна, не смертельна.

Дурацкая оплошность — это еще не последнее, что Уайти Мак-кларен собирается совершить в этой жизни.

Жестокая сестра

— Ой! Не пугай меня.

Она проходила мимо окна на втором этаже своего дома на Стоун-Ридж-драйв и случайно глянула вниз.

И кого же она увидела? Существо в чем-то ярко-желтом, в блестящем шлеме, на велосипеде, вовсю крутящее педали и быстро приближающееся к дому. Торчащие в разные стороны локти и колени делают его похожим на большое насекомое, освоившее на редкость уродливый велик, ржавый, заклеенный здесь и там черным скотчем.

В движениях этого существа столько отчаянной гонки, что пропадает всякое желание узнать причину, хочется отшатнуться к стене и спрятаться, не слышать топота ног на крыльце и громкого стука в дверь и отдаленного голоса: *Беверли, это я!*

Точно он?.. (Беверли отступила от окна, авось не заметил.)
Вирджил?

Ее младший брат, пять лет разницы. Бродяга. Сколько они не виделись? Несколько месяцев? Год? У Вирджила Маккларена нет мобильного телефона, нет компьютера, нет машины, связаться с ним можно только через родителей, ну или написав ему письмо и наклеив марку на конверт, чего никто давно уже не делает.

Вирджил, кто ж еще. Хвастающийся своим старым уродливым великом, который никому не придет в голову украсть.

В дурацком скользком желтом дождевике. Как можно в нем ездить на велосипеде?

Не иначе как плохие новости. Иначе зачем Вирджил к ней примчался?

Он стучит в дверь, прямо под ней. Громко, грубо. Нет бы вежливо нажать на дверной звонок, как это делают нормальные посетители. *Бев'ли? Х'лло?* Она должна все бросить и побежать открывать дверь.

Сердце у нее протестующе заколотилось. *Не побегу. Так и стой под дверью, черт бы тебя побрал.*

Имей Вирджил здравый смысл и хорошие манеры (но откуда им у него взяться?), он бы одолжил телефон и предварительно ей позвонил. Ну почему он не может себя вести, *как нормальные люди?*

Беве́рли затаилась, с тревогой прислушиваясь. Уж не дергает ли он ручку двери, проверяя, закрыта ли она?

Конечно закрыта. Двери, окна. Все закрыто.

Сам Вирджил жил в общине с такими же оборванцами (как представляла себе Беве́рли), в большом доме-развалюхе на бывшей ферме, и двери там никогда не запирались просто потому, что нечего было украсть. А вот семья Беве́рли жила в Стоун-Ридже, где у всех не меньше двух акров земли, дома в колониальном стиле с четырьмя-пятью спальнями, аккуратно подстриженные лужайки.

Никаких заборов. Никакой «сегрегации». Хотя Вирджил утверждал обратное, и поэтому ему было некомфортно среди множества желтых табличек с предупреждениями: 15 МИЛЬ В ЧАС, ЧАСТНЫЕ ВЛАДЕНИЯ, ТУПИК.

Вирджил, видимо, знал, что сестра дома, и продолжал кричать и колотить в дверь.

(Но откуда такая уверенность? Чтобы увидеть ее внедорожник за гаражом, надо было обогнуть дом на велосипеде. Или он ее все-таки засек выглядывающей из окна?)

Чем-то похоже на детскую игру в прятки, которая когда-то их так возбуждала, они были все мокрые от пота.

Интересно, если бы входная дверь была открыта, подумала Беве́рли, он бы вошел? Скорее всего. Никакого уважения к границам дозволенного. У меня нет личной жизни, нередко повторял он, то ли хвастаясь, то ли просто говоря правду. И считал, что и у других ее не должно быть.

Она вспомнила: если маленький Вирджил не мог найти старшую сестру, он начинал канючить: *Бев'ли! Бев'ли!*, и, когда эти детские страхи и жалобы ее уже совсем доставали, она выходила из укрытия со словами: *Я здесь, малыш-глупыш! Никуда я не пропала.*

Какое счастье быть кому-то нужной. И с такой легкостью успокаивать испуганного ребенка.

Но сейчас другое дело. К черту Вирджила. Он опоздал лет на двадцать.

Ей не нужны его плохие новости. Его ажитация, его эмоции. Все в прошлом.

Она все сильнее ожесточалась, убеждая себя в том, что он ее *предал*.

Она не собирается вытаскивать его из долгов или из отчаянно-го положения. Это не к ней!

Она прошла через гостевую комнату в ванную со скошенной крышей. И заперла дверь на засов, как будто существовала серьезная вероятность того, что Вирджил вломится в дом и станет ее разыскивать.

Да что с тобой? Зачем ты прячешься от родного брата?

Потому что прятаться от Вирджила было приятно. Быть такой же эгоисткой, как он. Без всяких извинений.

Но почему она тяжело дышит? Признак паники? Все те же детские прятки. На выживание.

Она видит в зеркале раскрасневшееся лицо, волосы взъерошенные, как лепестки пиона. Неужели это *она*?

Крышка унитаза — не пластиковая, деревянная, с мягкой пушистой накладкой пастельно-розового оттенка — опущена. У Беверли ослабели ноги, и она присела.

Ей тридцать шесть. Ноги растолстели, как и бедра, как и живот. И ведь не сказать, что у нее избыточный вес. Стив по-прежнему называет ее *моя роскошная жена. Моя Олимпия*. (Иногда, уходя в экзотику, он величает ее своей *одалисской*, но Беверли не уверена, что ей это по душе.) После долгого стояния, да еще в напряжении, ноги побаливают.

Братец, кажется, переместился к боковой двери, ведущей в кухню.

Беверли? Это я, Вирджил... Голос почти неразличим.

Ее посетила дикая мысль: что, если Вирджил «отвязался»? Сейчас в Америке много таких «отвязанных». Вдруг он пришел с оружием, чтобы ее застрелить... Может, дзен-буддист и миролюбец взорвался изнутри и превратился в потенциального убийцу.

Бев'ли? Х'лло?

Еще несколько секунд, и стук прекратился.

Она напряженно вслушивалась, но слышала только, как стучит кровь в ушах.

Это безопасно? Выйти из ванной?

Брат точно не ворвался в дом? Может, уже поднялся на второй этаж и где-то рядом ее подкарауливает?

Никого! Какое облегчение.

В окно она увидела, как желтенький Вирджил уезжает на велике. Угроза как внезапно возникла, так же и пропала.

Руки трясутся! Ну зачем она...

Зачем пряталась от брата, который в ней нуждался... хотел ей сообщить что-то важное...

— *Зачем?*

Она быстро спустилась вниз проверить, не оставил ли он ей записку в дверях. Парадная дверь, боковая. Ничего.

Еще одно облегчение. (Ты уверена?)

Она сразу позвонила матери.

Почему Джессалин не берет трубку? Это на нее не похоже. Если она дома.

Пять тоскливых гудков.

После чего включился торжественный голос Уайти на автоответчике.

Привет. Это резиденция Маккларенов. К сожалению, ни Джессалин, ни Уайти... то есть Джона Эрла Маккларена... сейчас нет дома. Если вы оставите подробное сообщение вместе с вашим номером телефона, то мы вам перезвоним при первой возможности. После звукового сигнала.

И Беверли оставила сообщение:

— Мама, привет! Жаль, что я тебя не застала. Догадайся, кто сейчас сюда приезжал на своем дурацком велосипеде. Вирджил! Я была наверху, не успела спуститься, и он уехал обиженный. Ты не в курсе, что там у него?

Хотела сказать, *что с ним, блин, происходит*. Но Беверли с матерью вела себя как хорошая девочка — такие сверкающие пузырьки на воде, однако если присмотреться, то увидишь в речке острые камни и всякий мусор.

Повесила трубку. Подождала с полминуты. Снова набрала.

Никто не отвечает, хотя Джессалин в такое время должна быть дома.

Записанный голос Джона Эрла Маккларена звучит словно из мавзолея.

Если вы оставите подробное сообщение... После звукового сигнала.

Да, в такое позднее время мать должна быть дома. Беверли знала ее расписание практически по часам.

Мать держала ее в курсе расписания отца (куда более насыщенного). Сегодня у него встреча с попечителями хэммондской публичной библиотеки.

У него есть мобильный телефон, но он предпочитает не отвечать на личные звонки в рабочее время.

Тогда Беверли позвонила сестре, Лорен Маккларен, директорше средней школы. Пришлось разговаривать с секретаршей. Сама Лорен на звонки не отвечает, а если бы и ответила, то грубо: *Да? Бев, что тебе надо?*

— Передайте ей, пожалуйста, чтобы позвонила Беверли. Срочно.

Повисла пауза. Слышно было дыхание секретарши.

— Ой.

— Что такое?

— Вы родственница доктора Маккларен? Она уехала из офиса на весь день.

— На весь день? Но почему?

— Кажется... кажется, она сказала «чрезвычайные семейные обстоятельства».

Беверли опешила:

— Какие еще чрезвычайные семейные обстоятельства?

Но секретарша уже струхнула, выложила больше, чем следовало. Она пообещала передать доктору Маккларен, кто ей звонил.

Чрезвычайные семейные обстоятельства. Теперь уже струхнула Беверли.

Позвонила отцу в «Маккларен инкорпорейтед». И здесь получила такой же ответ от секретарши: его нет в офисе.

— А когда вернется, не знаете?

— Мистер Маккларен не сказал.

— Это его дочь Беверли. Можно ему передать...

— Я постараюсь, мэм.

Ну почему Уайти не жалуется мобильный телефон? Хотя компьютером пользуется, он принадлежит к поколению американцев, которые втайне ждут, что «электронная революция» закончится.

Беверли в спешке покинула дом, успев только прихватить вельветовую куртку, большую наплечную сумку и мобильник.

Она повернула ключ зажигания в своем внедорожнике. Скорее на Олд-Фарм-роуд!

Прямой дороги нет, только объездными путями. Она знала каждый поворот, каждый перекресток, каждую остановку на четырехполосном и двухполосном шоссе, любой тупик и дорожный знак на протяжении трех миль между ее и родительским домом. Могла проехать тут с закрытыми глазами.

Попробовала дозвониться младшей сестре Софии, которая сейчас работает в биологической лаборатории, так что ее мобильный (скорее всего) выключен. Позвонила (еще раз) матери, но ее по-прежнему нет дома. Лорен по сотовому почти всегда недоступна.

Набрала домашний номер Тома, *большого брата*.

Не отвечает. Все телефоны одновременно перешли в режим автоответчика.

Загадочно, жутковато. Похоже на конец света.

Как будто вся семья Маккларен вознеслась на небо, оставив Беверли одну.

Срочные сообщения до Уайти всегда доходят. В течение дня он справляется в офисе, кто ему звонил.

Он обещал уйти на пенсию в семьдесят лет — и вот они уже не за горами. Но никто не верит, что это случится даже в семьдесят пять. Вообще когда-нибудь.

Секрет вашего отца состоит в том, что он находится в постоянном движении.

Джессалин говорила это с восхищением. Сама она была той точкой, вокруг которой вращалась вся семья.

Их красавица-мать с тихим голосом и неиссякаемым оптимизмом.

Беверли взывала к тишине на том конце провода:

— Мама, ты дома? Возьми трубку! Пожалуйста!

Чрезвычайные обстоятельства — как это прикажете понимать?

Почему ей никто не позвонил? Вот Лорен, судя по всему, позвонили.

Тот, кто этого не сделал, вызывал у нее возмущение. Да и Лорен могла бы с ней связаться. Или поручить это своей секретарше.

В детстве Беверли мучилась вопросом: кого из родителей она любила больше? Если бы случилась автомобильная авария, или извержение вулкана, или пожар, то кому следовало бы выжить, чтобы растить дочь?

Мамочке.

Ответ напрашивался сам собой: *мамочке*.

Так ответили бы и другие дети. По крайней мере, в незрелом возрасте.

Они любили маму больше всего. Как и все, кто ее знал. Но им очень важны были уважение и восхищение отца, а заслужить это было не так-то просто.

Мама их любила безоговорочно. А вот папа их любил со множеством оговорок.

Существовал один Маккларен, Уайти, добрый и отзывчивый. Но был и другой, Джон Эрл, который смотрел на тебя, наморщив лоб и прищурился глазами, словно не понимая, кто ты такой и как посмел отвлечь его от важных дел.

Три сестры и два брата боролись за отцовское внимание. Каждое семейное торжество превращалось в своего рода испытание, и избежать его ты не мог, даже если знал, как это сделать.

Уайти словно бросал тебе золотую монетку с улыбочкой, в которой читалось: *Ты же знаешь, дружок, как папа тебя любит*.

— О боже!

Зачем она грузит себя этими мыслями?

Дело не в том, что их отец богат, — это так, приятный сюрприз. Даже если бы у него не было ни гроша за душой или он был весь в долгах, их отношение к Уайти несколько не изменилось бы, не сомневалась Беверли.

Память нахлынула на нее, как поток грязной воды. Ужин, который она устроила в честь дня рождения Вирджила. Точнее, постаралась устроить, но получила отказ.

Тогда она впервые поняла, что он ее не любит, в его жизни она ничего не значит. Грубый, безразличный. Как же неловко, когда тебе дают от ворот поворот.

Бедная Беверли! Все усилия впустую.

Бедная мама! Дети строили друг другу рожи и валяли дурака у нее под носом.

Красиво украшенный стол — и пустой стул, где должен был сидеть Вирджил.

Как отсутствующий зуб во рту, который язык все время пытается нащупать.

— Я только вчера с ним говорила. Специально ему напомнила, а он...

Оутс Дж. К.

О 90 Ночь, сон, смерть и звезды : роман / Джойс Кэрол Оутс ; пер. с англ. С. Таска. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2022. — 672 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-19337-6

В новой семейной саге современного классика Джойс Кэрол Оутс (неоднократного финалиста Пулицеровской премии, лауреата премии имени О. Генри, Национальной книжной премии США и множества других престижных наград) внезапная трагедия проверяет на прочность казавшиеся нерушимыми семейные узы. Когда патриарх семейства, бывший мэр городка в штате Нью-Йорк, становится жертвой полицейского насилия, его жена и все пятеро детей реагируют самым неожиданным образом, и давние семейные тайны становятся явными, и глубоко закопанные психологические катастрофы дают всходы, и ни один скелет в многочисленных шкафах не остается непотревоженным. Старший сын готов на все, лишь бы призвать «стражей порядка» к ответу, одна дочь ищет утешения в бутылке, другая — в научной работе, а младший сын — в художественной коммуне. Но самым неожиданным, если не сказать скандальным, образом реагирует безутешная вдова...

«Поистине монументальный труд — и до чего же своевременный»
(*Star Tribune*).

Впервые на русском!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ДЖОЙС КЭРОЛ ОУТС
НОЧЬ, СОН, СМЕРТЬ
И ЗВЕЗДЫ

Ответственный редактор Александр Гузман
Редактор Дарина Никонова
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Светлана Федорова, Юлия Теплова

Подписано в печать 30.06.2022. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 42. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-BRM-28076-01-R